

УДК 327(1-622НАТО)
ББК 66.4(7Сое)

Кучинская Марина Евгеньевна*, старший научный сотрудник Центра военно-политических исследований РИСИ.

Реформа интеграционных программ НАТО и интересы безопасности России

Пражский саммит Североатлантического союза (2002 г.) положил начало качественно новому этапу реформы НАТО, инициированной после окончания холодной войны. Отличительной чертой современного этапа трансформации Альянса стало стремление адаптировать его к новым, трансграничным, угрозам. Именно с этого момента началось непрерывное расширение сферы функциональной ответственности НАТО, что получило отражение в различных его официальных документах. При этом главной целью трансформации Североатлантического союза на современном этапе было провозглашено превращение его из классического института коллективной обороны (при сохранении данной базовой функции) в многопрофильную организацию безопасности с глобальной компетенцией.

В концептуальных документах НАТО¹ появился новый термин — «современная оборона», которая ориентирована как на отражение традиционной военной угрозы, так и на защиту от весьма широкого спектра новых глобальных вызовов в сфере безопасности. Среди угроз, к парированию которых должен быть готов Альянс (не исключая возможности реагирования на некоторые из них с применением военного потенциала), были названы не только международный терроризм, распространение ОМУ, кибератаки, но и целый ряд невоенных вызовов, в частности: процессы глобализации, проблемы, связанные с окружающей средой, нехватка ресурсов (включая ситуацию возможного блокирования поставок энергоносителей), появление новых технологий, пиратство и др.

Таким образом, в штаб-квартире Альянса стали исходить из следующего посыла: в результате проводимой реформы Североатлантический союз должен достичь абсолютного доминирования во всех сферах

* kuchinskaya@mail.ru

¹ В частности, в принятой в 2010 г. новой Стратегической концепции НАТО, а также заключительной Декларации Лиссабонского саммита. Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization (Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010) // NATO Public Diplomacy Division. Brussels, 2010; Lisbon Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon. 2010. 20 Nov. // NATO. Official Website. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm (дата обращения: 21.10.2010).

(военной, технологической, информационной, экономической и др.), получить контроль над мировыми ресурсами и жизненно важными коммуникациями. В качестве ключевого силового элемента трансформирующейся расстановки сил в мире НАТО отводилась роль универсального инструмента повсеместного военного и политического вмешательства, способного оказывать целевое воздействие на международную среду безопасности в соответствии с интересами западного сообщества и при лидирующей роли США.

В рамках разработки концепции НАТО как "узлового центра" международной системы безопасности значимым явлением стало укрепление политической составляющей реформы Организации и своего рода "политическая легитимизация" глобальной компетенции Североатлантического союза. Ранее глобализация НАТО понималась более узко: Альянс позиционировался в качестве ведущего игрока в поддержании "мировой стабильности" через наращивание его возможностей по силовому урегулированию кризисов. Иными словами, на НАТО возложили также роль главного проводника политических интересов Запада.

С этой точки зрения большое внимание стало уделяться применению на практике так называемого всестороннего подхода (*Comprehensive Approach*) к вопросам безопасности. Данный подход, предложенный в своё время копенгагенской политологической школой, выражается в игнорировании чётких границ между внутренней и внешней безопасностью государств, в стремлении "секьюритизировать" социально-экономическую, энергетическую и экологическую сферы, проблематику прав человека. В практической политике "всесторонний подход", или концепция "сетевой безопасности" (как её определяют в МИД ФРГ), также предполагает горизонтальную кооперацию между различными организациями по принципу взаимодополняемости и частичного дублирования функций, что получило своё воплощение в развитии партнёрских отношений НАТО как на межинституциональном уровне, так и с отдельными странами-партнёрами.

Следует отметить, что в Стратегической концепции 1999 г. (НСК-99)² в качестве *абсолютного приоритета* Североатлантического союза называлась "коллективная оборона", а "кризисное регулирование" и обеспечение "безопасности на основе сотрудничества" относились к приоритетам "второго ряда". В аналогичном документе 2010 г. (НСК-2010)³ все три задачи были причислены к ключевым, в совокупности являясь "составными частями гарантий безопасности для членов альянса". При этом принцип коллективной обороны, ранее жёстко ограничивавшийся совместными оборонными обязательствами (в рамках ст. 5 Вашингтонского договора) для отражения военной агрессии, получил расширенное толкование, будучи ориентированным на обеспечение широко трактуемого понятия "безопасность".

² The Alliance's Strategic Concept. Approved by the heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. 24 Apr. 1999: Press Release NAC-S(99)65. 1999. 24 April // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 28.08.2006).

³ Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization (Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010).

Однако приблизительно с 2012 г. можно говорить о новом этапе в развитии реформы НАТО. На практике (в первую очередь исходя из опыта кампании в Афганистане) оказалось, что реальный инструментарий Организации не соответствует новой, расширенной сфере функциональной ответственности НАТО. Многие западные эксперты заговорили о своеобразном возврате к "классике" в развитии Североатлантического союза (имея в виду коллективную оборону в рамках ст. 5 Вашингтонского договора и реанимацию традиционного планирования, ориентированного на отражение вооружённой агрессии), причём данный подход к вопросам военного строительства в рамках Альянса прослеживается лишь на *восточном* направлении. Фактически, по их мнению, можно говорить о частичном откате к положениям НСК-99⁴ (и даже к Стратегической концепции 1991 г.⁵), при этом "переформатирование" активности НАТО происходит именно под решение задачи военно-политического сдерживания Российской Федерации (хотя в Брюсселе не собираются отказываться от расширенной сферы функциональной ответственности блока).

В связи с этим центральными проблемами реформы Североатлантического союза в нынешних условиях становятся как уточнение его функций (особенно в свете гибридных угроз), так и определение роли и места "политической корзины" в трансформационной повестке НАТО. При этом некоторые западные эксперты⁶ в контексте подготовки к саммиту Североатлантического союза в Брюсселе (июль 2018 г.) говорят о необходимости принятия новой Стратегической концепции Альянса, приведя этот базовый документ в соответствие с реалиями "новой нормальности", в том числе в российско-натовских отношениях.

Общие принципы интеграционных программ Североатлантического союза

В настоящее время реализация кооперационной стратегии Североатлантического союза квалифицируется в качестве его третьей ключевой задачи (наряду с обеспечением коллективной обороны и развитием кризисного регулирования).

Следует отметить, что в основу развития кооперационных программ НАТО изначально был положен весьма практический подход. Именно через партнёрский "канал" происходит привлечение ресурсов широкого числа стран для позиционирования Альянса в качестве ведущего игрока

⁴ См., напр.: *Matle A., Scheffler Corvaja A.* From Wales to Warsaw: A New Normal for NATO? // Facts & Findings. Prospects for German Foreign Policy / Konrad Adenauer Stiftung. 2015. October. No. 187; Back to Basics or Just Backwards? // DIIS Policy Brief. 2015. August.

⁵ The Alliance's Strategic Concept. Agreed by the heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. 7–8 Nov. 1991 // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/ua/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 28.08.2006).

⁶ См., напр.: *Kamp K.-H.* Why NATO Needs a New Strategic Concept // NATO Defence College. NDC Research Report. 09/16. 2016. November. URL: <http://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=997> (дата обращения: 15.03.2017).

в поддержании "глобальной стабильности" и наращивания его возможностей по силовому урегулированию кризисов за пределами зоны традиционной ответственности Организации. Внимание к партнёрской политике, зафиксированное в действующей Стратегической концепции НАТО 2010 г., мотивировано банальной нехваткой союзнических ресурсов для реализации прописанных в этом документе задач Альянса в современных условиях. При этом было чётко обозначено, что привлекательность Североатлантического союза для партнёров должна обуславливаться как задачами обеспечения территориальной обороны, так и его новой ролью в качестве организации коллективной безопасности, стремящейся монополизировать контроль над всеми ключевыми сферами деятельности, включая экономику.

В ходе выработки нового подхода НАТО к партнёрской политике произошло изменение самого понятия "партнёр". Хотя все документы НАТО по партнёрской политике выделяют либеральные ценности в качестве центральной идеи партнёрства, которая должна разделяться всеми участниками процесса, Североатлантический союз, тем не менее, пошёл на развитие кооперации с отнюдь не демократическими с западной точки зрения странами (прежде всего на Ближнем Востоке). Объясняется это тем, что во главу угла положен не так называемый ценностный, а весьма функциональный подход, ориентированный на привлечение ресурсов большого числа государств по всему миру. Такой подход направлен на получение максимальной "отдачи" от действующих программ сотрудничества, а также от углублённой кооперации на индивидуальной основе.

Руководством Североатлантического союза были выделены следующие задачи в контексте развития партнёрской политики НАТО: достижение большей дифференциации среди стран-партнёров, расширение перечня задач, решаемых в рамках партнёрских программ, более целевое воздействие непосредственно на внутреннюю политику отдельных государств, в частности в области проведения военной реформы (Украина, Грузия).

Важные решения по развитию партнёрской политики Альянса были приняты на саммите в Чикаго (май 2012 г.)⁷. В их основу положен так называемый Берлинский пакет, принятый на встрече министров иностранных дел стран-членов в апреле 2011 г.⁸ Во-первых, произошёл отход от формализованных типов сотрудничества в рамках действующих программ в пользу кооперации на сугубо индивидуальной основе по формуле "28(1)+n". Во-вторых, было положено начало модернизации механизмов привлечения стран-партнёров к проведению операций под эгидой Альянса, заложенных в документе, принятом ранее (Political

⁷ *Francois I.* NATO partnerships beyond the Chicago Summit // URL: https://www.atlcom.nl/ap_archive/pdf/AP%202013%20nr.%203/Francois.pdf (дата обращения: 05.10.2017).

⁸ In Berlin, NATO Allies and Partners show unity and resolve on all fronts 14–15 Apr. 2011 // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72775.htm?; Foreign ministers endorse new partnership policy. 15 Apr. 2011 // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72368.htm? Official text: Active engagement in cooperative security: a more efficient and flexible partnership policy // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2011_04/20110415_110415-partnership-policy.pdf (дата обращения: 10.09.2013).

Military Framework for Partner Involvement in NATO-led Operations, PMF)⁹. Новый механизм на основе определённых критериев должен позволить "вычленение" так называемых оперативных партнёров. По замыслу, последние в дальнейшем могли бы привлекаться к процессу принятия решений по поводу той или иной операции и непосредственно участвовать в подготовке к ней.

"Чикагский пакет" получил своё развитие в ходе уэльского саммита (сентябрь 2014 г.). В соответствии с принятыми решениями, большинство программ и проектов было намечено реализовывать в рамках утверждённой *Инициативы по оперативной совместимости*, которая инкорпорировала следующие форматы сотрудничества: "платформа оперативной совместимости" (Interoperability Platform), расширенное партнёрство (Enhanced Opportunities Program), инициатива в области обороны и безопасности (Defence and Related Security Capacity Building Initiative). Последний формат, ориентированный на экспертное содействие военному строительству, включает как союзников, так и отдельных партнёров (Грузия, Молдавия, Иордания).

Расширенное партнёрство адресовано государствам, поддерживающим с Альянсом наиболее тесные отношения и чей военно-политический курс в наибольшей степени соответствует стратегическим установкам Запада. В настоящий момент к их числу руководство НАТО причислило Австралию, Грузию, Иорданию, Финляндию и Швецию, но их перечень планируется корректировать раз в три года. *Страны, объединённые данной программой, эксперты называют даже "партнёрами по ст. 5" (Article 5 Partners), что отражает её нацеленность на распространение на них де-факто принципа коллективной безопасности, но без формального членства в Организации.* Именно в рамках данной программы расширенного партнёрства были подписаны соглашения о сотрудничестве между НАТО, а также Швецией и Финляндией, в связи с чем можно говорить об особом формате "29+2".

Важно отметить инициирование процесса подключения Украины к данному партнёрскому формату. В пункте 12 Совместного заявления Комиссии НАТО–Украина на уровне глав государств и правительств в рамках варшавского саммита (июль 2016 г.) сказано буквально следующее: "На основе решений, принятых в Уэльсе, мы рассмотрим шаги, необходимые для реализации заинтересованности Украины в Программе расширенного партнёрства в рамках Инициативы по оперативной совместимости с партнёрами"¹⁰.

Наиболее широкой по составу участников (список включает 24 государства, предполагается его ежегодный пересмотр), содержанию и характеру решаемых задач является "платформа оперативной совместимости".

⁹ Political Military Framework for Partner Involvement in NATO-led Operations // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-PMF.pdf (дата обращения: 15.09.2013).

¹⁰ Joint statement of the NATO–Ukraine Commission at the level of Heads of State and Government. 9 July 2016, Warsaw, Poland // NATO. Official website. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_textrs_133173.htm?selectedlocale=en (дата обращения: 08.08.2016).

Она объединяет в том числе шесть постсоветских республик (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдавия и Украина). Главной формой сотрудничества Альянса с участниками этого формата должна стать совместная реализация программ подготовки военнослужащих по различным специальностям и проведение учебно-боевых мероприятий в интересах достижения необходимого уровня оперативной совместимости войск.

Кроме того, на саммите в Уэльсе была принята Концепция рамочного государства, предусматривающая формирование отдельных групп союзников и партнёров в целях совершенствования сил и возможностей при ведущей роли государства-лидера (так называемая *нишевая концепция*)¹¹. По мнению заместителя помощника генсека НАТО по политическим вопросам и политике безопасности, специального представителя генсека НАТО по Кавказу и Центральной Азии Дж. Аппатурая, "нишевое решение" открывает новую веху в жизни Альянса. Хотя подобный подход обсуждался давно, "нишевое распределение союзников и их партнёров впервые было очерчено в конкретные подгруппы"¹². При этом жёсткая структура партнёрских программ НАТО, отражающая фиксированный территориальный подход, подверглась гибкой дифференциации по "нишам". За странами-партнёрами закреплено право переходить из ниши партнёров в ниши союзников.

В целом можно говорить об отходе от формализованных типов сотрудничества в рамках действующих программ в пользу кооперации на сугубо индивидуальной основе по формуле "29+n". В связи с этим пересматриваются уже действующие индивидуальные "форматы", разработанные для программы "Партнёрство ради мира" — ПМР (Individual Partnership Programme, IPP)¹³, Стамбульской инициативы о сотрудничестве (СИС)¹⁴ и "Средиземноморского диалога" — СД (Individual

¹¹ Palmer D.A.R. The Framework Nation's Concept and NATO: Game-Changer for a New Strategic Era or Missed Opportunity? // The Research Division of the NATO Defence College. Research Paper. 2016. July. No. 132.

¹² **Ниша первого порядка.** США.

Ниша второго порядка. Великобритания, Италия, Германия.

Первая группа: боевые экспедиционные силы, немедленное реагирование и развёртывание.

Вторая группа: управление C2 (command and control), рекогносцировка, системы обеспечения, реконструкция и стабилизация.

Третья группа: обеспечение огневой силы (трёхвидовой), развёртывание штабов, логистика, химическая, биологическая и радиационная защита.

Ниша третьего порядка. Страны, входящие в группы Концепции рамочного государства в качестве рядовых участников.

Ниша четвертого порядка. Страны-партнёры, включённые в формат Partnership Interoperability Initiative, программу расширенного партнёрства Enhanced Opportunities Program для самых активных участников операций НАТО. К этой же нише относятся и Defence and Related Security Capacity Building Initiative по содействию военному строительству.

Ниша пятого порядка. Страны-партнёры, объединённые в формате Interoperability Platform.

Ниша шестого порядка. Остальные страны-партнёры.

¹³ Individual Partnership Action Plans // North Atlantic Treaty Organization. 2017. 6 September. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49290.htm (дата обращения: 12.01.2017).

¹⁴ Ibid.

Cooperation Programme, ICP)¹⁵, а также для "контактных стран" (Tailored Cooperation Packages, TCP)¹⁶.

"Нишевая концепция" активно используется применительно к так называемому Большому Ближнему Востоку. В то же время, что касается выстраивания отношений со странами Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, в качестве важнейшего инструмента в НАТО по-прежнему рассматривают действующие региональные партнёрские программы — Стамбульскую инициативу о сотрудничестве и "Средиземноморский диалог".

Так, новый качественный шаг в отношениях между Альянсом и рядом государств — участников СИС был сделан 4 мая 2016 г., когда Североатлантический совет удовлетворил просьбу Бахрейна, Катара, Кувейта, Израиля и Иордании об учреждении на базе посольств этих государств в Бельгии миссий при штаб-квартире НАТО.

Ближневосточным и средиземноморским государствам предлагается содействие в разработке некоего общего плана, а на его основании — вычленение индивидуального "пакета" мер для каждой страны региона, включая предоставление военных сил, средств внутренней безопасности или меры по развитию экономики. В зависимости от ситуации лидирующую роль в операции может взять на себя НАТО, ЕС или коалиция заинтересованных стран — членов Альянса и стран-партнёров. Например, для дальнейшей "демократизации" Ливии в качестве лидера операции считается эффективным возможный тандем в составе Италии и ЕС или Франции и НАТО. Рассматриваются варианты планирования возможных действий натовских государств в других странах региона, в частности участие Великобритании в качестве нации-лидера в Иордании с последующим формированием коалиции из других заинтересованных союзников, совершенствование координации действий ЕС и НАТО в Тунисе¹⁷.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в подходе НАТО к парированию угроз, идущих с южного стратегического направления, прослеживается определённая двойственность: с одной стороны, крайние амбиции, с другой — признание недостаточности имеющихся в распоряжении Альянса ресурсов для решения проблем на этом региональном участке. Эксперты Фонда Маршалла советуют избегать публичного признания данного обстоятельства, чтобы не подрывать авторитет Организации. Одновременно они рекомендуют активнее использовать возможности действующих региональных партнёрских программ¹⁸.

Пока в НАТО очерчены лишь *общие рамки* того, как отвечать на угрозы с южного стратегического направления. Это подтверждают решения майского (2017 г.) мини-саммита НАТО, касающиеся определения

¹⁵ Individual Partnership Action Plans // North Atlantic Treaty Organization. 2017. 6 September. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49290.htm (дата обращения: 12.01.2017).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Бартош А. Саммит НАТО в Варшаве: приоритеты и перспективы развития Альянса // Независимое военное обозрение. 2016. 27 мая. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-05-27/4_summit.html (дата обращения: 03.06.2016).

¹⁸ De Hoop Scheffer A., Quencez M., Michelot M. // The German Marshall Fund of the United States. Policy Brief (Foreign and Security Policy Program). 2015. December.

роли Альянса в противодействии террористической угрозе. Можно сказать, что Д. Трамп лишь отчасти удалось добиться одобрения союзниками своего видения повестки дня для НАТО.

В целом в соответствии с Планом действий по повышению боевой готовности ОВС НАТО Брюссель добивается от государств Южно-Европейского региона наращивания масштабов военной деятельности в акватории Средиземного и Чёрного морей, создания благоприятных условий для размещения на ротационной основе ВС США. Также в рамках реализации комплекса мероприятий по созданию системы противоракетной обороны НАТО и её сопряжению с объединённой системой ПВО Альянса предусматривается задействование территории стран Южной Европы для размещения коалиционных компонентов интегрированной системы ПВО/ПРО и американских элементов глобальной ПРО.

В частности, в рамках Североатлантического союза разработан план создания к 2020 г. единой системы контроля воздушного пространства западнобалканских государств и последующей её интеграции в объединённую систему ПВО НАТО. Кроме того, Албания, Босния и Герцеговина (БиГ), Македония и Черногория являются участницами американской инициативы "Балканский региональный подход к развитию противовоздушной обороны"¹⁹.

Следует отметить, что Балканы для Североатлантического союза — очень "чувствительный" и важный регион. 5 июня 2017 г. состоялось официальное вступление в НАТО Черногории. На очереди стоит вопрос о принятии в ряды Организации Македонии (имеющей наиболее вероятные шансы) и БиГ. Также происходит "подтягивание" к НАТО Сербии. Очевидно, что последнее обстоятельство способствовало бы решению для Брюсселя не только стратегической, но и политической задачи, фактически легитимизируя военную кампанию НАТО в отношении бывшей Югославии.

В 2016–2017 гг. в докладах ведущих западных аналитических центров проблема усовершенствования механизма партнёрских программ НАТО получила определённое внимание. Так, в докладе одного из известных германских фондов делается вывод о том, что именно в случаях отхода от формализованных типов сотрудничества и перехода к формату "29+n" удалось добиться наилучших результатов²⁰. Кроме того, некоторые аналитики указывают на проблему нехватки финансовых средств, выделяемых на развитие партнёрских программ (на эти цели расходуется 1 % военного бюджета НАТО). В связи с этим предлагается расширить выделение странами-членами средств на эти цели через специальные трастовые фонды, что уже внедряется на практике (*Defence and Related Security Capacity Building Trust Fund*)²¹.

¹⁹ *Иванов И.* Военно-политическая обстановка в Южно-Европейском регионе // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 4. URL: http://factmil.com/publ/strana/bosnija_i_gercegovina/voenno_politicheskaja_obstanovka_v_juzhno_evropejskom_regione_2017/67-1-0-1158 (дата обращения: 25.09.2017).

²⁰ *Kaim M.* Reforming NATO's Partnerships // SWP (Stiftung Wissenschaft und Politik) Research Papers. 2017. January. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2017RP01_kim.pdf (дата обращения: 05.10.2017).

²¹ *Kristensen K.S., Schousboe L.* How to Step up NATO's Fight against Terrorism // War on the Rocks. 2017. 12 September. URL: <https://warontherocks.com/2017/09/how-to-step-up-natos-fight-against-terrorism/> (дата обращения: 10.10.2017).

Значительное внимание вопросу дальнейшего совершенствования механизма интеграционных программ Альянса было уделено на саммите Североатлантического союза в Варшаве (июль 2016 г.)²². При этом особый акцент был сделан на сотрудничестве с Европейским союзом, в первую очередь в контексте противодействия гибридным угрозам.

Лидеры стран — участниц НАТО отметили положительную динамику в вопросе вступления в ряды Организации Черногории, а также подтвердили перспективы евроатлантической интеграции Боснии и Герцеговины, Македонии, а также Грузии, но без указания конкретных сроков их вхождения в Альянс и при условии выполнения требований Запада.

Следует подчеркнуть, что, хотя в контексте общей интеграционной стратегии Альянса акценты несколько смещены с формального расширения Североатлантического союза на политику распространения сферы его влияния путём развития партнёрских отношений, это не означает отказа от политики "открытых дверей". Напротив, в настоящее время "расширенческая" тематика вновь оказывается в центре внимания. Например, данная тенденция чётко прослеживается в специальном докладе американского Фонда "Наследие", вышедшем накануне майского (2017 г.) мини-саммита НАТО в Брюсселе²³. В частности, в нём содержится призыв к руководству стран — членов Альянса послать ясный политический сигнал о том, что политика "открытых дверей" остаётся в мейнстриме. Подобный сигнал очень чётко дан на встрече министров иностранных дел стран — членов Североатлантического союза 5–6 декабря 2017 г., которую следует рассматривать в качестве важного этапа подготовки к саммиту НАТО 2018 г.

Подходы НАТО к развитию кооперационных программ на примере стран постсоветского пространства

Необходимо обратить внимание на то, что в некоторых докладах западных аналитических центров ревизии подвергается небыл известная формулировка "присоединение к ЕС через членство в НАТО", ставшая уже своего рода клише. В контексте политики сдерживания России западные эксперты настаивают на том, чтобы процессы интеграции шли одновременно по линии как Североатлантического, так и Европейского союзов, которые распределяли бы между собой направления и зоны ответственности. Кроме того, именно под задачи сдерживания РФ активно адаптируется механизм основных натовских партнёрских программ (в частности программы ПРМ, которую некоторые эксперты красноречиво "переименовали" в "Программу ради сдерживания"), что особенно заметно на пространстве

²² Петров В., Иванов И. Основные итоги Варшавского саммита НАТО (2016) // За рубежом военное обозрение. 2016. № 8. URL: http://factmil.com/publ/strana/nato/osnovnye_itogi_varshavskogo_sammita_nato_2016/61-1-0-1027 (дата обращения: 05.11.2016).

²³ Kochis D., Coffey L. Brussels Mini-Summit: Keeping NATO Enlargement on the Table // The Heritage Foundation. 2017. 5 May. URL: <http://www.heritage.org/global-politics/report/brussels-mini-summit-keeping-nato-enlargement-the-table> (дата обращения: 09.07.2017).

бывшего СССР. Руководством НАТО сделан вывод о необходимости активизации усилий в интересах сдерживания России на всём постсоветском пространстве. В качестве основных направлений деятельности Альянса определены: взаимодействие с международными и европейскими организациями, выявление на ранних стадиях "скрытых мероприятий Кремля" по дестабилизации ситуации в регионах, проведение единой информационной кампании, оказание помощи постсоветским государствам. При этом решение о поставках вооружения и военной техники Украине признано целесообразным принимать странами НАТО самостоятельно на основе двусторонних соглашений.

Такая линия служит логичным продолжением политики НАТО в отношении стран СНГ, целями которой после окончания холодной войны стали расширение военно-политических структур Альянса и продвижение его "зоны ответственности" на восток с установлением господства на Украине, в бассейне Чёрного моря, на Кавказе, в Средней Азии и Прибалтике.

Следует подчеркнуть, что "демократизация", а также ссылки на новую роль НАТО в условиях глобализации выступают идеологическим основанием для расширения сферы влияния Североатлантического союза в СНГ. *Декларируя задачу "демократизации", Альянс фактически оказывается одним из участников политического процесса в странах Содружества, что объективно усиливает в этих государствах поляризацию политических сил, способствует расколу партий и политических движений по геополитическому принципу.* Определяя для себя новые задачи на постсоветском пространстве, НАТО всё активнее использует в последнее время также тему энергетической безопасности.

Необходимо отметить, что Североатлантический союз уклоняется от взятия на себя конкретных обязательств на постсоветском пространстве. Активно вмешиваясь во внешнюю и внутреннюю политику соответствующих стран в рамках сотрудничества по линии ПРМ, Альянс решает сегодня определённые тактические задачи (включая создание транзитных энергетического и транспортного коридоров в Закавказье). Вместе с тем стратегическим интересам НАТО соответствует долгосрочное закрепление на пространстве СНГ за счёт кооперации в формате ПРМ, заключения различного рода договоров о военно-техническом сотрудничестве, а также подготовки ряда этих государств к членству в Североатлантическом союзе.

Очевидно, что в нынешних условиях вооружённого внутреннего конфликта на Украине для НАТО особую актуальность приобретает так называемое европейско-кавказское направление. Соответственно именно на Украине, в Молдавии, Грузии и Азербайджане будет концентрироваться особое внимание политики НАТО.

Следует отметить, что формулировки итоговых документов варшавского саммита в контексте украинского кризиса указывают на то, что, продолжая оказывать политическую и военную поддержку киевским властям, Альянс подыгрывает "партии войны", которая по-прежнему рассчитывает урегулировать кризис в Донбассе военным путём. Особую тревогу вызывает то, что украинские силовики, получившие подготовку инструкторов из США, Канады и других стран НАТО, перебрасываются к линии

соприкосновения. Неоднократно появлялась информация о поставках иностранной военной техники на Украину (особенно систем корректировки артиллерийского огня и контрбатарейной борьбы).

В то же время до сих пор не было принято каких-либо решений, указывающих на заинтересованность натовцев в скором принятии Украины в ряды Организации. В частности, одобрен "всеобъемлющий пакет" помощи Киеву, который должен продемонстрировать, что "НАТО помогает консультациями и предметной поддержкой, чтобы сделать институты обороны и безопасности Украины более эффективными и ответственными"²⁴. Подтверждено, что будет продолжена работа в рамках целевых фондов (командование, управление, связь, компьютеры; логистика и стандартизация; кибероборона; управление персоналом; медицинская реабилитация; разминирование), учреждённых для адаптации Вооружённых сил Украины (ВСУ) к стандартам НАТО ещё на уэльском саммите Альянса.

До 2020 г. предполагается осуществить перестройку ВСУ под стандарты НАТО, однако, по оценкам ведущих российских экспертов²⁵, к этому сроку данный процесс будет завершён, вероятнее всего, лишь в отдельных элитных частях. *При этом реформа осуществляется не просто в соответствии со стандартами НАТО, а под цели и задачи Альянса. Развитие ВСУ определяется сегодня в первую очередь сотрудничеством с Соединёнными Штатами, делающими ставку не на масштабные группы и мощности, а на мобильные батальоны, которые смогут легко взаимодействовать с силами Североатлантического союза в интересах последнего.* По словам официальных представителей Европейского командования ВС США, Пентагон продолжает предоставлять ВСУ своих советников. Планы подготовки очередных четырёх украинских батальонов в 2018 г. уже сверстаны и обеспечены финансированием. Таким образом, расчёт строится на том, чтобы Украина находилась под натовским "зонтиком" неформально (без распространения на неё обязательств в рамках ст. 5 Вашингтонского договора), становясь частью расширенной системы сдерживания России и давления на неё.

Решению задачи по постановке под полный американский контроль сферы ВПК Украины и подгонке военного строительства в стране под стандарты НАТО должно способствовать решение конгресса США, принятое в начале ноября 2017 г. Комитеты по вопросам ВС США палаты представителей и сената утвердили проект оборонного бюджета на 2018 финансовый год, который предусматривает выделение Украине военной помощи в размере 350 млн дол., в том числе на летальное оборонительное вооружение²⁶. Следует отметить, что половина этой суммы заморожена, её размораживание будет зависеть от выполнения Киевом определённых требований (которые пока не ясны, не исключая активизации конфликта в Донбассе).

²⁴ Петров В., Иванов И. Указ. соч.

²⁵ Батальоны на подхвате: Пентагон превращает ВСУ в службу сил НАТО // РИСИ. Офиц. сайт. 2017. 17 октября. URL: <https://riss.ru/smi/44527/> (дата обращения: 18.10.2017).

²⁶ Сенат США одобрил \$350 млн на военную помощь Украине // Украина.ру. 2017. 17 ноября. URL: <https://ukraina.ru/news/20171117/1019531345.html> (дата обращения: 19.11.2017).

Явная заинтересованность руководства Североатлантического союза в углублении сотрудничества с Украиной и Грузией обусловлена намерениями усиления присутствия НАТО в Черноморском бассейне. Данный регион чрезвычайно важен с геополитической точки зрения как в связи с Крымом (от борьбы за который Запад не намерен отказываться), так и в соответствии с вынашиваемыми планами по окончательному устранению России из Приднестровского региона, дестабилизации ситуации в Закавказье и на российском юге (на Северном Кавказе, в Краснодарском крае)²⁷. Углубление сотрудничества планируется по формуле "29+2", уже отработанной Североатлантическим союзом с Финляндией и Швецией в рамках Балтийского региона.

Так, в резолюции "Стабильность и безопасность в зоне Чёрного моря", принятой на пленарном заседании 63-й сессии Парламентской ассамблеи НАТО (Бухарест, 6–9 октября 2017 г.)²⁸, содержится призыв к странам — членам Альянса использовать все возможные политические и дипломатические инструменты для уменьшения напряжённости в Черноморском регионе. В частности, говорится о необходимости увеличить вовлечение Украины и Грузии в действия Североатлантического союза "по укреплению региональной безопасности". Как и во многих других натовских документах, в резолюции содержится стандартное осуждение "продолжающегося нарушения территориальной целостности Грузии и Украины со стороны России, серьёзных нарушений прав человека на оккупированных территориях и попыток запугать и дестабилизировать своих соседей, которые стремятся к более тесным связям с евроатлантическими институтами"²⁹. Большое символическое значение получил факт проведения весенней сессии Парламентской ассамблеи НАТО в Тбилиси 26–29 мая 2017 г.³⁰

Следует подчеркнуть, что из числа стран бывшего СССР Грузия является единственной страной, которую можно рассматривать в качестве реального кандидата на членство в НАТО. Современный уровень отношений Тбилиси с Альянсом, а также степень реформированности грузинской армии по его стандартам соответствуют уровню страны, уже получившей План действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ) (*Membership Action Plan, MAP*) (хотя в штаб-квартире Альянса официально пока не готовы пойти на такой шаг). Однако надо признать, что подобные решения всегда носили сугубо политический характер и они могут быть приняты в любой момент. Важно также учитывать, что

²⁷ Кашатанова А. Пакт Лаврова–Керри? Как это будет в жизни // РИСИ. Аналитика. Офиц. сайт. 2016. 23 мая. URL: <http://www.riss.ru/> (дата обращения: 05.06.2016).

²⁸ Stability and security in the Black Sea region: Presented by the Committee on the Civil Dimension of Security and adopted by the Plenary Assembly on Monday 9 October 2017, Bucharest, Romania // NATO Parliamentary Assembly. Official website (2017–RESOLUTION 437–BLACK SEA–219 CDS 17 E). URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=sites/default/files/2017-10/2017%20-%20RESOLUTION%20437%20-%20BLACK%20SEA%20-%20SCHMIDT%20-%20-%2020219%20CDS%2017%20E.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

²⁹ Грузия в Бухарестской резолюции Парламентской ассамблеи НАТО // Голос Америки. 2017. 10 октября. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/georgia-issue-at-bucharest-nato-meet/4064108.html> (дата обращения: 15.10.2017).

³⁰ Office of the State Minister of Georgia on European & Euro-Atlantic Integration // URL: <http://www.eu-nato.gov.ge/en/nato/relations/summits> (дата обращения: 25.10.2017).

уже неоднократно поднимался вопрос о возможности вхождения Грузии в Североатлантический союз без подключения к ПДПЧ, признавая достаточными инструментами для этого существующий формат ежегодного индивидуального плана и Комиссии НАТО–Грузия.

На сегодняшний момент партнёрство Грузии с Североатлантическим союзом носит более углублённый характер по сравнению с украинской стороной. На практике реализуются некоторые инициативы, призванные "усилить оборонный потенциал взаимодействия и устойчивость" Грузии и "подготовить страну к членству в Альянсе". Североатлантический союз оказывает Грузии поддержку в сфере ПВО и воздушного наблюдения, в проведении военных учений и тренировок, а также в "стратегической коммуникации" (система информационно-психологического противоборства: информационные и психологические операции, общественная дипломатия, связи с общественностью).

Так же, как и на Украине, ведущая роль в реформировании грузинских ВС принадлежит Соединённым Штатам. Так, выступая 11 апреля 2017 г. с ежегодным докладом в национальном парламенте, министр обороны Грузии Л. Изория сообщил, что на территории страны в текущем году совместно с США будет построен и полностью оснащён Центр боевой подготовки, аналогичный Объединённому центру многонациональной готовности на американской военной базе в баварском Хохенфельсе (ФРГ).

В соответствии с мнением, озвученным в одном из интервью в августе 2017 г. известным американским экспертом Ч. Купчаном³¹, на сегодняшний день консенсус среди стран — членов НАТО по поводу возможного приёма в ряды Организации Грузии не достигнут³². Отсутствие единства среди союзников по этому вопросу подтверждает и спецпредставитель США по Украине К. Волкер (бывший американский постоянный представитель в НАТО). Он указывает на то, что в НАТО не могут "пренебречь" российским фактором, который в значительной степени определяет негативное отношение части стран — участниц Альянса к возможному членству Грузии в Организации³³.

Вместе с тем, как отмечают эксперты³⁴, хотя любой серьёзный американский политик понимает, что членство Грузии в НАТО для Москвы "гораздо больше, чем просто раздражающий фактор", поскольку является "открытым покушением на особые интересы РФ в Евразии", США и их союзники не оставят усилий по продвижению этой кавказской республики в Альянс, имея полную поддержку грузинского руководства (причём фамилия президента не будет играть здесь определяющей роли).

³¹ Профессор международных отношений Джорджтаунского университета и старший научный сотрудник Совета по международным отношениям; в 2014–2017 гг. — специальный помощник тогдашнего президента США Б. Обамы и старший директор по европейским делам Совета национальной безопасности Белого дома.

³² Charles Kupchan: No consensus on NATO membership for Georgia // Civil Georgia. 2017. 16 August. URL: <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=30365> (дата обращения: 02.09.2017).

³³ Грузия сегодня не готова стать членом НАТО // Грузия онлайн. 2017. 18 сентября. URL: <http://www.apsny.ge/2017/mil/1505763323.php> (дата обращения: 03.10.2017).

³⁴ Маркедонов С. Североатлантические перспективы Грузии: Идеология и прагматика // Новый Континент: Архив газеты "Континент" (2006–2014). URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=4f6cce3e0406f> (дата обращения: 12.10.2013).

Уже на протяжении ряда лет в американском экспертном сообществе циркулирует идея о том, что Альянсу не стоит отказывать Грузии в членстве в Организации в связи с территориальными проблемами с Россией. По их мнению, проблематику Южного Кавказа необходимо рассматривать в свете решений бухарестского саммита Североатлантического союза (2008 г.), в соответствии с которыми Грузия станет членом НАТО, и создавать "необходимую среду для диалога по вопросам Абхазии и Южной Осетии". Данную точку зрения разделяют в Совете безопасности Грузии, считая интеграцию своей страны в Альянс и решение "территориальной проблемы" параллельными процессами.

Между тем сохраняющиеся территориальные противоречия с соседями рассматриваются в НАТО в качестве главного препятствия на пути вхождения Грузии в Североатлантический союз. Причём приём страны в Альянс до урегулирования территориальных вопросов с юридической точки зрения противоречил бы ст. 6 Документа по расширению НАТО 1995 г. (Enlargement Study)³⁵. На наличие такой проблемы указывают, в частности, в Германии. В то же время сторонники присоединения Грузии к Североатлантическому союзу используют для обоснования своей позиции именно "германский пример", указывая на то, что Германия была принята в Альянс, будучи разделённой на две части.

Следует отметить, что в центре внимания стратегов НАТО остаётся не только Грузия, но и весь Южно-Кавказский регион. Можно выделить несколько аспектов негативных последствий расширения влияния Североатлантического союза на Южный Кавказ. Во-первых, вслед за Грузией встанет вопрос о членстве в Организации Азербайджана и, вероятно, Армении, что приведёт к образованию в данном регионе антироссийского "санитарного кордона". Во-вторых, нельзя полностью исключить очередной попытки грузинского руководства решить территориальные проблемы силовым путём, а это чревато прямой конфронтацией и столкновением НАТО с Россией. Наконец, интеграция Грузии в Альянс стала бы существенным фактором ослабления позиций федерального центра на Северном Кавказе.

В целом необходимо учитывать тот факт, что в случае принятия решения о вступлении Грузии в Североатлантический союз, актуализирующего вопрос о перспективах членства в Организации Азербайджана, произойдёт трансформация линии ограничения российских интересов на южном направлении в "дугу нестабильности", создавая тем самым угрозы уже не только интересам, но и непосредственно территории РФ и территориям её союзников в регионе. В свете иранской проблемы США могут приступить к созданию такой "дуги нестабильности" между Россией и Ираном уже в краткосрочной перспективе, началом чему станет принятие Грузии в Альянс и "приоткрытие" дверей в него для Азербайджана. При таком качественном сдвиге в раскладе сил и сфер влияния на Южном Кавказе "линия ограничения" Российской Федерации на её южных рубежах примет во многом свой завершённый вид.

³⁵ Study on NATO Enlargement. 1995, 03 September // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24733.htm (дата обращения: 04.05.2013).

Балтика и Европейский Север: отработка модели по сдерживанию РФ с участием стран-партнёров

Как уже отмечалось, в рамках Черноморского региона Североатлантический союз намерен активно использовать партнёрский формат "29+2", отработанный с балтийскими государствами — Швецией и Финляндией. В недавнем докладе Центра стратегических и международных исследований (CSIS), относящегося к числу ведущих американских "мозговых центров", к одному из основных достижений Альянса на Балтике и Севере Европы отнесено именно развитие региональной кооперации со странами-партнёрами³⁶.

Влияние НАТО на данном региональном участке планируется сохранять и наращивать в первую очередь за счёт активизации и углубления регионального сотрудничества между балтийскими и арктическими странами, входящими в Альянс, а также проводящими политику военного неприсоединения Швецией и Финляндией. По оценкам экспертов американского Центра стратегических и международных исследований, накануне выборов 2018 г. в России Соединённым Штатам важно реагировать на "внешнеполитический реваншизм Кремля". По их мнению, в условиях, когда стратегическая важность Балтийского и Арктического регионов резко возросла, для США назрела настоятельная необходимость развития сотрудничества в области безопасности на площадке НАТО, и прежде всего между Норвегией, Данией, Исландией и такими партнёрами Альянса, как Швеция и Финляндия.

При этом главное значение Швеции и Финляндии для НАТО сегодня заключается в мониторинге действий России: их возможности и опыт в области мониторинга российского присутствия в Арктике и регионе Балтийского моря чрезвычайно важны для НАТО. Независимо от того, являются эти страны членами блока или нет, целесообразно, чтобы они участвовали в обеспечении безопасности европейского воздушного пространства и способствовали росту военных возможностей НАТО (в частности это относится к Готланду). В связи с этим следует обратить внимание на то, что тема безопасности тех или иных островов или иных анклавных территорий разжигается с целью создания нужного властям общественного мнения. Для этого активно привлекаются средства массовой информации. Так, ранее появлялись сообщения о том, что во время своих масштабных учений РФ разыграла гипотетический сценарий нападений на шведский Готланд, датский Борнхольм и автономные Аландские острова, находящиеся под финским суверенитетом.

Ещё на саммите НАТО в Уэльсе состоялось подписание финским президентом и шведским правительством специального соглашения с НАТО (Host nations support), которое предоставляет Альянсу право проводить учения на территории этих стран и направлять туда свои Силы реагирования (НСР) в кризисных ситуациях. Однако предоставление такого

³⁶ *Rathke J.* Security in Northern Europe and the Road to the 2018 NATO Summit // Center for Strategic and International Studies. 2017. 20 November. URL: <https://www.csis.org/analysis/security-northern-europe-and-road-2018-nato-summit> (дата обращения: 22.11.2017).

права требует согласования с принимающей стороной, что отрегулировано в рамках соответствующих соглашений (в Швеции оно вступило в силу 1 июля 2016 г.³⁷, в Суоми — ещё ранее). Кроме того, например, в январе 2016 г. заключено весьма важное соглашение между Данией и Швецией (Меморандум о взаимопонимании), в соответствии с которым подразделения датских ВВС и ВМС могут действовать в шведских территориальных водах и воздушном пространстве³⁸.

В целом основной структурой региональной кооперации на Балтике и Европейском Севере служит Северное оборонное сотрудничество, НОРДЭФКО (NORDEFSCO). Соответствующий меморандум был подписан ещё в ноябре 2009 г. министрами обороны Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции. В ноябре 2014 г. была обнародована реформированная концепция североевропейского оборонного сотрудничества, предусматривающая тесную кооперацию его участников с тремя странами Балтии. Общие же принципы и направления сотрудничества северных и балтийских стран согласованы на встрече их министров обороны с участием генсека НАТО Й. Столтенберга в Стокгольме в ноябре 2015 г.

Однако с точки зрения интеграции Швеции и Финляндии в формирующееся единое североатлантическое оборонное измерение в рамках Балтийского региона большое значение придаётся действующим партнёрским механизмам Альянса. К настоящему моменту, по признанию польского оборонного ведомства, конкретные инициативы, исходящие из рассмотрения Балтийского региона в качестве единого потенциального ТВД, предприняты в рамках расширенного партнёрства НАТО.

В целом в сфере развития региональной кооперации на Балтике и на Севере Европы Североатлантический союз добивается того, чтобы она поддерживала трансатлантическое единство и была направлена на обеспечение оперативной совместимости, взаимодополняемости и слаженности военных структур участвующих стран. В первую очередь аналитиками НАТО ставится задача разработки планов взаимодействия Объединённых ВМС стран региона (включая Швецию и Финляндию), составления планов совместных учений и создания системы контроля и управления, которые будут применяться для совместной работы флотов. При этом пристальное внимание планируется уделять таким вопросам, как разведка и обнаружение целей, противолодочные системы и поиск морских мин. Особое значение придаётся сегодня наращиванию ВМС ФРГ (просчитываются варианты, в соответствии с которыми на случай критического обострения ситуации и введения сухопутной и морской блокады Калининградской области России придётся забыть о морском пути на Балтике, поскольку транспортные артерии здесь будут контролироваться мощным германским флотом).

Наряду с военно-морским компонентом повышенное внимание уделяется развитию боевых компонентов ОБВС НАТО, в первую очередь тактической авиации, которая по возможностям имеющихся носителей

³⁷ *Моньков И.* О перспективах вступления Швеции и Финляндии в НАТО // РИСИ. Аналитика. Офиц. сайт. 2016. 25 февраля. URL: <https://riss.ru/analytocs/27082/> (дата обращения: 15.03.2017).

³⁸ *Nordic Security: Moving towards NATO?* // Center for Security Studies, ETH Zurich. CSS Analyses. 2016. April. No. 189.

ядерного оружия обладает оперативно-тактической ядерной мощностью, а также способна вести боевые действия с применением обычных средств поражения на всю глубину стратегической наступательной операции. Для проведения операции на этапе стратегического развёртывания может быть осуществлена переброска сил (войск) и средств ОВВС НАТО на передовые авиабазы — аэродромы восточноевропейских государств, стран Балтии, а также Швеции и Финляндии, инфраструктура которых за последние 20 лет существенно обновлена и приведена в соответствие со стандартами Альянса.

Вместе с тем ввиду нежелания некоторых ключевых членов Североатлантического Альянса чрезмерно раздувать компонент сдерживания на "восточном фланге" и провоцировать углубление российско-натовских противоречий прибалтийские страны в последнее время акцентируют важность усиления двустороннего сотрудничества с США. Некоторые американские эксперты считают, что Соединённые Штаты могли бы выступить в роли координатора усилий по выстраиванию системы сдерживания России в Балтийском регионе. В ней, помимо НАТО, должен также активно участвовать Европейский союз, в первую очередь такие его члены, как Финляндия и Швеция. При этом они особо педалируют тему защиты балтийского воздушного пространства. Такая идея проводится в вышедшем в начале октября 2017 г. специальном докладе американского Фонда "Наследие"³⁹.

В докладе обосновывается целесообразность перехода от "патрулирования" воздушного пространства над Балтикой (*Baltic Air Policing*) к формату "противовоздушной обороны" (*Baltic Air Defense*). Конкретно излагаются следующие меры: увеличение численности размещённых в регионе самолётов ОВВС НАТО на авиабазах "Эмари" (Эстония) и "Зокняй" под Шауляем (Литва) в рамках проводимой Североатлантическим союзом с 2004 г. специальной миссии "Балтийское воздушное патрулирование"; усиление системы воздушного наблюдения и укрепление наземных средств ПВО. По мнению экспертов Фонда "Наследие", данные меры продиктованы необходимостью защиты сил и средств передового присутствия. К ним причисляются склады с вооружениями и размещённые в странах Балтии и Польше на ротационной основе батальонные тактические группы, а также местные ключевые объекты инфраструктуры и транспортные узлы (что крайне важно в случае быстрого наращивания натовской группировки в регионе)⁴⁰.

В принципе эти вопросы уже поднимались в докладе, подготовленном в апреле 2016 г. специалистами базирующегося в Эстонии международного "мозгового центра" (*International Centre for Defence and Security*). Также эта тема затрагивалась на переговорах, состоявшихся в ходе визита в США министра иностранных дел Латвии Э. Ринкевичса в феврале 2016 г.⁴¹

³⁹ Coffey L., Kochis D. Time for the Baltic Air Policing Mission to Become the Baltic Air Defense Mission // The Heritage Foundation. Issue Brief. 2017. 2 October. No. 4769.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Купчицецкая В. Эдгарс Ринкевичс о политике сдерживания России // Голос Америки. 2016. 25 февраля. URL: <http://www.gols-ameriki.ru/content/edgars-rinkevics/3207867.html> (дата обращения: 04.04.2016).

Сами страны Балтии проявляют особую активность в раскручивании темы своей "незащищённости" перед лицом пресловутой российской угрозы и, соответственно, необходимости усиления сдерживания России, считая меры, предпринятые НАТО в рамках концепции Расширенного передового присутствия, недостаточными. На этом фоне особо выделяется Литва. Вильнюс регулярно высказывается в пользу дислоцирования новых региональных пунктов командования НАТО в Прибалтике, требует регулярного обновления планов обороны региона, активно лоббирует идею реформирования процесса принятия решений внутри Североатлантического союза. Противовоздушная оборона является главной темой, на которой сосредотачиваются лидеры прибалтийских стран.

Так, во время встречи с вице-президентом США М. Пенсом на "полях" Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2017 г.) президент Литвы Д. Грибаускайте подчеркнула: "Без американских систем противовоздушной обороны у нас не будет полной защиты... Какие-то средства мы пытаемся приобрести самостоятельно, однако необходимо прямое участие США"⁴².

В экспертных и политических кругах стран Балтии в последнее время циркулирует идея о возможности размещения на их территории американских зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) "Пэтриот". На пресс-конференции в рамках визита в Литву 10 мая 2017 г. министр обороны США Д. Мэттис ушёл от прямого ответа на вопрос о соответствующих планах Вашингтона, дав понять, что окончательное решение ещё не принято⁴³. В свою очередь во время визита в Эстонию в августе 2017 г. М. Пенс отметил в беседе с эстонским премьер-министром Ю. Ратасом, что американское руководство рассматривает вопрос о размещении ЗРК "Пэтриот" в странах Балтии, однако пока не определилось со сроками⁴⁴.

Первые шаги к утверждению концепции действий Альянса в области противовоздушной обороны уже сделаны. В октябре 2016 г. на Крите состоялись германско-нидерландские совместные учения, в ходе которых задействовались системы "Пэтриот" и отработывалась концепция их применения. В дальнейшем итоги учений предполагается использовать при формировании подхода НАТО к обеспечению ПВО в странах Балтии и Польше.

Важно учитывать, что временное размещение данных ЗРК в регионе уже состоялось в рамках учений НАТО в Литве летом 2017 г. и крупнейших совместных учений "Аврора-17", проведённых в сентябре 2017 г. Швецией с участием стран — членов НАТО.

Эксперты Фонда "Наследие" выделяют ещё один важный фактор, который диктует, по их мнению, необходимость перехода от патрулирования балтийского воздушного пространства к его обороне с существенным увеличением численности привлекаемых для этого самолётов ОВВС

⁴² Президент Литвы попросила у США системы ПВО для Балтии // Sputnik Latvija. 2017. 19 февраля. URL: <https://ru.sputniknews.lv/world/20170219/3950352/Litva-Baltija-Pens-Mjunhenskaja-konferencija.html> (дата обращения: 19.02.2017).

⁴³ Салджюнас В. Американские ракеты "Пэтриот" в Литве: чему обрадовался Вильнюс и на что разозлился Кремль? // ru.DELFI. 2017. 12 мая. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/amerikanske-rakety-patriot-v-litve-chemu-obradovalsya-vilnyus-i-na-chto-razozlilsya-kreml.d?id=74630014> (дата обращения: 15.05.2017).

⁴⁴ Coffey L., Kochis D. Op. cit.

НАТО. Речь идёт о необходимости реагирования на так называемую проблему A2/AD (*Anti-Access/Area Denial*, A2/AD), предусматривающую *противодействие доступу* противника к определённому району. По мнению военного руководства НАТО, российская сторона "надувает пузыри A2/AD" в Калининграде, Крыму и Сирии, вследствие чего необходимо инвестировать финансовые средства в системы, позволяющие "входить" в данные зоны заблокированного доступа.

Пока Альянс проанонсировал планы противодействия российским системам ПВО. Однако уже начата работа по формулированию соответствующих "оперативных концепций", определению требований к подлежащим применению системам оборонительных и *наступательных* вооружений. Как отмечается в докладе Атлантического совета США, подготовленном бывшим заместителем главнокомандующего ОВС НАТО в Европе британским генералом Р. Ширреффом и британским экономистом польского происхождения М. Олекс-Щитовски⁴⁵, основным средством сдерживания России должны стать крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) JASSM как в базовом варианте (радиус действия 370 км), так и в расширенном — JASSM-ER (имеющие дальность полёта до 1300 км).

В связи с этим следует отметить, что Польшей с американской стороны уже заключён контракт на поставку данных ракет в их базовой модификации AGM-158As. Самолёты F-16 в качестве носителей у Польши уже имеются. Кроме того, в конце декабря 2016 г. подписан ещё один контракт на приобретение польской стороной этих ракет уже во второй модификации JASSM-ER. Следует особо подчеркнуть, что таким образом Польша становится первым союзником США, на территории которого будут размещены указанные ракеты JASSM-ER. По имеющейся информации, Соединённые Штаты планируют поставить их также и другим своим восточноевропейским союзникам. Именно в этих целях в настоящее время активно осуществляются модернизация и приведение к стандартам НАТО ряда военных объектов на территории стран Балтии, Польши, Румынии и Болгарии. Кроме того, эксперты американской Корпорации РЭНД рекомендуют ориентировать руководство Швеции и Финляндии на поддержание на достаточном уровне запасов различных боеприпасов и вооружений, включая закупку КРНБ и КРВБ (в том числе JASSM и JASSM-ER)⁴⁶.

Межинституциональный диалог НАТО–ЕС и "новая нормальность" в российско-западных отношениях

В арсенале кооперационных форматов НАТО важное место занимают программы сотрудничества с другими организациями — ООН, Европейским союзом, ОБСЕ и Советом Европы, причём особое значение отводится

⁴⁵ Shirreff R., Olex-Szczytowski M. Arming for Deterrence. How Poland and NATO Should Counter a Resurgent Russia // Atlantic Council. 2016. 19 July. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/reports/arming-for-deterrence> (дата обращения: 26.07.2016).

⁴⁶ NATO's Northeastern Flank: Emerging Opportunities for Engagement / C.S. Chivvis, R.S. Cohen, B. Frederick, D.S. Hamilton, F.S. Larrabee, B. Lin. // RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1467z1.html (дата обращения: 25.11.2017).

отношениям с ЕС. При этом развитие отношений между НАТО и Евросоюзом как самостоятельными, хотя и неравными "игроками" в сфере безопасности характеризуется очевидной двойственностью. С одной стороны, это сотрудничество, с другой — политическая конкуренция, усиливающаяся из-за несовпадения взглядов стран-членов на задачи каждой из организаций, а также институционально заложенного дублирования функций в ряде сфер.

Наличие такой конкуренции проявляется, в частности, в развитии взаимодействия ЕС и НАТО со странами, не входящими в данные организации. Вовлечение этих государств в европейские и евроатлантические структуры идёт с позиции сфер влияния, и потенциально конфликтными становятся регионы, где такой передел осуществим (как на территории СНГ). В то же время, хотя расширение Североатлантического альянса и Евросоюза или развитие партнёрских программ с третьими странами декларируются как независимые процессы, на практике они не только вступают в конкурирующее взаимодействие, но и дополняют друг друга.

Подобный эффект синергизма заметен на примере взаимоотношений западных институтов со странами Содружества, когда, как в очередной раз подтвердили события на Украине, Запад генерирует консолидированную позицию. Уже очевидно, что на обострение украинского кризиса в феврале 2014 г. сыграли США, однако Европа последовала в фарватере американской политики, прекрасно осознавая, какими потерями в экономической сфере может обернуться ухудшение отношений с Россией.

Сложные межинституциональные проблемы во взаимоотношениях двух основных западных институтов, на которых мы не будем здесь останавливаться (включая создание европейского оборонного компонента⁴⁷), привели к существенному нарастанию градуса политической конкуренции между ними. Задачу гармонизации межсоюзных отношений призван решить начавшийся с саммитов НАТО в Чикаго и Уэльсе возврат к более жёсткой натоцентричной модели.

⁴⁷ Как известно, Маастрихтский договор (вступивший в силу в 1993 г. и определявший основы функционирования ЕС до 2009 г.) включил в сферу компетенции бывших Европейских сообществ в том числе Общую внешнюю политику и политику безопасности, ОВПБ (*Common Foreign and Security Policy, CFSP*), составной частью которой с 1999 г. и стала Европейская политика безопасности и обороны, ЕПБО ЕС (*European Security and Defence Policy, ESDP*). Действующий в настоящее время Лиссабонский договор (официальное название — "Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества"), содержащий специальные статьи по европейской оборонной политике, значительно продвинул этот процесс в формально-правовом отношении. На практике же, несмотря на нововведения Договора о ЕС и запущенную в 2012–2013 гг. реформу ЕПБО, особой динамики на этом треке не наблюдалось, что обусловлено сохраняющимся сильным национальным суверенитетом стран — членов Союза в вопросах безопасности и обороны, слабостью их военных потенциалов и ограниченностью оборонных бюджетов, а также приоритетностью отношений в данной сфере в рамках НАТО. Однако на фоне представления в июне 2016 г. "Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности" развитию ЕПБО придано заметное ускорение. Сам этот документ, безусловно, отражает стремление ряда стран Евросоюза вывести его в разряд полноценных глобальных игроков, что неизбежно диктует необходимость создания действенного европейского военного измерения. С принятием в конце 2016 г. ещё нескольких документов можно говорить о формировании своего рода "пакета", в котором намечен план дальнейших конкретных действий в этом направлении.

Хотя европейцами заявлены весьма амбициозные цели, никто из них сегодня не говорит о том, что целью Европейского оборонного союза (рассматриваемого в качестве долгосрочной задачи Европейской политики безопасности и обороны) станет формирование отдельной европейской армии. К тому же в рамках действующей правовой базы это невозможно и юридически: все процедурные вопросы очень чётко прописаны в Лиссабонском договоре. Реализуется принцип создания "отделимых, но не отдельных" ВС, согласно которому основу военного потенциала обеих организаций составляют одни и те же силы и средства. Такой подход должен был бы способствовать укреплению межсоюзных связей в военной сфере, однако на практике возникают постоянные разногласия при решении вопроса о распределении и перераспределении сил, приданных этим структурам, а также о функционале последних.

Как полагают сегодня в штаб-квартире НАТО, смягчить некоторые межинституциональные противоречия позволило бы успешное развитие концепции "европейской опоры" НАТО, что, в частности, предполагает существенное увеличение Европой оборонных расходов. Не случайно руководство Альянса в последнее время активно поддерживает все инициативы по линии ЕПБО (именно в таком духе были выдержаны высказывания генсека Североатлантического союза Й. Столтенберга, присутствовавшего на встрече европейских министров обороны и иностранных дел 13 ноября 2017 г.).

В целом по линии НАТО–ЕС достигнуто понимание необходимости наращивания действенного европейского оборонного потенциала, который можно использовать под эгидой как Североатлантического альянса, так и Евросоюза. Однако внятная концепция распределения ролей между этими институтами по-прежнему отсутствует⁴⁸.

Важное влияние на процесс реформы ЕПБО будет оказывать непосредственно позиция Соединённых Штатов. В связи с этим стоит отметить, что спусковым крючком нынешней реформы ЕПБО стала предложенная Вашингтоном ещё в 2009 г. концепция "разделения бремени", в соответствии с которой европейцам самим придётся прилагать значительные усилия по обеспечению собственной безопасности. В качестве частного аспекта в рамках этой концепции (но при этом наиболее остро) встал вопрос о том, что в связи с экономическим кризисом в ЕС военные бюджеты в большинстве государств-членов подверглись сокращению. В рамках НАТО это — пресловутая "проблема 2 %" (оборонные расходы стран — членов Альянса должны составлять не менее 2 % от ВВП), причём именно она обозначена как ключевая в трансатлантической повестке американского президента Д. Трампа. Однако, как отмечают некоторые российские эксперты, станет ли это действительно трансатлантическим ориентиром, а тем более приоритетом для большинства европейских государств? При этом до сих пор свою "партнёроспособность" Вашингтону продемонстрировали страны Балтии и Польша, для которых увеличение их оборонного вклада — это своего рода запрос на американскую поддержку в политике сдерживания России. Поэтому не исключено, что дальнейшее заострение этой проблемы может лишь усугубить европейскую фрагментацию,

⁴⁸ Ермаков С., Куцинская М. Европейское оборонное строительство в контексте обеспечения национальной безопасности России // Оборона России. 2017. Декабрь. С. 123.

затруднив выработку общеевропейского ответа⁴⁹. Однако, вероятнее всего, "проблема 2 %" станет инструментом одновременно давления и торга, с помощью которого американцы смогут выходить на нужные им решения в рамках трансатлантических отношений.

Важной вехой в оформлении такого баланса, а также в поиске совместной платформы новой солидарности (с акцентированием новых тем, таких как терроризм⁵⁰ или киберугрозы) стал очередной мини-саммит НАТО, состоявшийся 25 мая 2017 г. в Брюсселе. Что касается политики на российском направлении, то представители новой американской администрации повторили формулировки, ставшие уже практически ритуальными, подтвердив важность так называемого двухтрекового подхода ("сдерживание и диалог"). В октябре 2017 г. последовало заявление главы Военного комитета Североатлантического союза П. Павела: "Мы говорим нашим российским партнёрам, что открыты для диалога, но не открыты для возобновления сотрудничества, так как условия ещё не созрели. Эти условия были совершенно ясно намечены на политическом уровне"⁵¹. Высказывание Павела прозвучало накануне нескольких натовских встреч в различном формате (в том числе очередной сессии министров обороны стран — членов Альянса 8–9 ноября 2017 г.), предваряя некоторые их решения. Его также следует рассматривать в контексте подготовки к саммиту НАТО 2018 г. То, что Альянс готов к диалогу, но не к сотрудничеству, расставляет приоритеты в "двухтрековом подходе" к России: сдерживание оказывается главным, всё прочее — по ситуации. Диалог в данном случае необходим во избежание нежелательных ситуаций и военных инцидентов, чтобы не допустить перерастания в более серьёзный конфликт, к которому Альянс сейчас не готов.

В то же время в штаб-квартире НАТО в настоящее время активно работают над устранением "слабых мест" в своей позиции "на случай любого потенциального конфликта с Россией"⁵². В частности, этот вопрос рассматривался среди прочих на ноябрьском (2017 г.) Совете НАТО в формате министров обороны. По словам официального представителя Североатлантического союза О. Лунгеску, проводится работа по совершенствованию национальной инфраструктуры и пересмотру административных норм с целью обеспечения беспрепятственного и быстрого транзита войск Альянса и военного оборудования⁵³. Весьма важным является решение о создании двух новых командований НАТО (детализированное на сессии натовских министров обороны 14–15 февраля 2018 г.).

В этом контексте определённого внимания заслуживает недавний доклад Атлантического совета, посвящённый противодействию гибридным

⁴⁹ См.: *Данилов Д.* Североатлантический альянс: бремя Трампа // *Международная жизнь.* 2017. 27 апреля.

⁵⁰ Министры обороны стран — членов ЕС на встрече 18 мая 2017 г. уделили этому вопросу особое внимание.

⁵¹ В НАТО заявили о неготовности возобновить сотрудничество с Россией // ТАСС. *Международная панорама.* 25.10.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4676698> (дата обращения: 25.10.2017).

⁵² "Слабые места" связаны в основном с логистикой и защитой путей снабжения войск.

⁵³ "Пускай натовцы тренируются. Всё под контролем" // *Глобальная политика.* 2017. 30 октября. URL: <http://www.politicsglobal.ru/archives/9872> (дата обращения: 02.11.2017).

угрозам со стороны России⁵⁴. В нём представлены предложения по усилению разведывательного потенциала на восточном фланге Альянса и углубления кооперации по линии западных спецслужб. Кроме того, предлагается гармонизировать систему коллективного ответа НАТО и ЕС на внешнюю агрессию. Речь идёт о выработке алгоритма, в соответствии с которым не являющиеся членами Североатлантического союза страны будут чётко действовать в русле общего курса Североатлантического альянса. Симптоматично, что в рамках последней сессии Парламентской ассамблеи генсек НАТО Й. Столтенберг особо акцентировал внимание на решении некоторых юридических вопросов, связанных со снятием бюрократических барьеров на случай оперативной переброски в страны ЕС подразделений ВС США или Сил реагирования НАТО. Как подчеркнул Й. Столтенберг, "мы рассматриваем это на министерском уровне и активно прорабатываем параграф за параграфом". По его мнению, обеспечение мобильности воинских подразделений могло бы стать "флагманом" кооперации по линии НАТО–ЕС⁵⁵.

Всего же в настоящее время запущены 42 совместные инициативы в семи различных областях, перечень которых расширен до десяти на декабрьской (2017 г.) встрече министров иностранных дел стран — членов НАТО⁵⁶. В первую очередь это касается идеи так называемого военного Шенгена, который подразумевает формирование правового режима и логистических условий, позволяющих беспрепятственно передвигать не только личный состав, но и вооружения, технику, тыловые элементы, обеспечивая тем самым оперативность развёртывания ВС по всем направлениям⁵⁷.

Наряду с проблемой военной мобильности приоритетной темой сотрудничества по линии НАТО–ЕС является парирование гибридных угроз, якобы исходящих от России. Следует отметить, что гибридные войны сегодня активно внедряются США и странами НАТО в практику международных отношений в качестве нового вида межгосударственного противостояния и эффективного инструмента стратегического неядерного сдерживания (предполагающего беспрецедентное сочетание комплекса мер силового и несилового воздействия на противника в реальном масштабе времени). При этом данный качественно новый феномен мировой политики пока не получил международно-правового определения⁵⁸.

⁵⁴ *Kramer F.D., Speranza L.M.* Meeting the Russian Hybrid Challenge: A Comprehensive Strategic Framework // Atlantic Council. 2017. May. URL: http://www.atlantic-council.org/images/publications/Meeting_the_Russian_Hybrid_Challenge_web_0530.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

⁵⁵ NATO Secretary General welcomes PESCO, stresses need for complementarity // NATO. Official website. 2017. 13 November. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_148838.htm (дата обращения: 13.11.2017).

⁵⁶ Foreign Ministers agree new areas of NATO–EU cooperation // NATO. Official website. 2017. 5 December. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_149616.htm (дата обращения: 06.12.2017).

⁵⁷ Постпред Грушко считает целью НАТО противостояние с Россией // Вести. ru. 2017. 10 ноября. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2952649> (дата обращения: 12.11.2017).

⁵⁸ *Бартош А.* Россия в эпоху гибридных войн // Независимое военное обозрение. 2017. 24 октября.

Именно гибридным угрозам принадлежит системообразующая роль при разработке США, НАТО и ЕС многоальтернативных планов подготовки и использования национальных и коалиционных сил. В связи с этим большое значение придаётся новому Европейскому центру передового опыта в области противодействия гибридным угрозам (*European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats*), официальное открытие которого состоялось в начале октября 2017 г. в Хельсинки (Финляндия)⁵⁹.

Данный центр будет взаимодействовать с тремя Центрами передового опыта НАТО в столицах прибалтийских республик и недавно созданным Центром военного планирования и управления зарубежными небоевыми миссиями Евросоюза (Брюссель). Особенность Европейского центра передового опыта в области противодействия гибридным угрозам состоит в том, что он является первой подобного рода совместной структурой НАТО и Европейского союза, призванной синхронизировать усилия обоих институтов.

Предполагается, что на Балтике НАТО и ЕС должны будут отработать "модели действий" по отражению исходящих от России гибридных угроз, применимые и в других районах (в Средиземноморье и на Чёрном море). Следует также отметить, что именно проблема обеспечения балтийской безопасности используется для беспрецедентного раскручивания темы "российской угрозы".

Вообще же этот регион сегодня можно назвать "модельным", поскольку именно здесь натовцами отрабатывается подход, предполагающий тщательно согласованное применение традиционных и нетрадиционных ("нелинейных") средств, т.е. "сдерживание по всему спектру угроз". Эту модель предполагается использовать в дальнейшем и на других региональных участках.

Важно подчеркнуть, что за стратегией сдерживания, выстраиваемой НАТО на своём "восточном фланге" с активным привлечением партнёров, просматривается стремление к проведению политики "активной обороны", имеющей чётко выраженное наступательное измерение. Объединённые ресурсы США и европейских стран НАТО позволяют в рамках курса на обеспечение своего глобального доминирования последовательно осуществлять подрывные действия в пределах негласно ведущихся против РФ агрессивных гибридных операций. В связи с этим особого внимания заслуживает совершенствование соответствующего российского потенциала для эффективного противодействия попыткам Запада оказать дестабилизирующее влияние на нашу страну.

В целом правомерно говорить о постепенной адаптации всего "политического блока" трансформационной повестки Североатлантического союза под задачу сдерживания Российской Федерации, что является одной из наиболее характерных черт нынешнего этапа реформы НАТО. Как уже неоднократно заявляла российская сторона, действия

⁵⁹ Secretary General Participates in Hybrid Centre of Excellence Inauguration with Finnish Leaders and EU High Representative // NATO. Official website. 2017. 2 October. URL: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/news_147497.htm (дата обращения: 02.10.2017).

Альянса серьёзно ухудшают безопасность в Европе и способствуют созданию новых разделительных линий, в очередной раз отвлекая нас от созидательной повестки дня.

Ключевые слова: *саммиты НАТО – политика сдерживания – гибридные угрозы – расширение НАТО – партнёрские программы Североатлантического союза – ЕС – Балтийский регион – Черноморский регион – Ближний Восток – Восточное Средиземноморье – украинский кризис – Грузия.*

Keywords: *NATO summits – deterrence policy – hybrid threats – enlargement of NATO – the North Atlantic Alliance's partnership programs – the EU – the Baltic region – the Black Sea region – the Middle East – the Eastern Mediterranean – the Ukrainian crisis – Georgia.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартош А.* Гибридные угрозы Запада // Независимое военное обозрение. 2017. 2 июня. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-06-02/1_950_hybrid.html (дата обращения: 10.10.2017).
2. *Бартош А.* Саммит НАТО в Варшаве: что есть истина? Информационная война и дезинформация в стратегии Альянса // Независимое военное обозрение. 2016. 29 июля.
3. Батальоны на подхвате. Пентагон превращает ВСУ в службу сил НАТО // РИСИ. Офиц. сайт. 2017. 17 октября. URL: www.riss.ru (дата обращения: 18.10.2017).
4. "Бешеный пёс" Джеймс Мэттис готов защищать "беззащитную Прибалтику" // Regnum.ru. 2017. 10 мая. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2273165.html> (дата обращения: 11.05.2017).
5. Бюджет Экспертного центра ЕС по отражению гибридных угроз составит 1,5 млн евро // ТАСС. Международная панорама. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4177121> (дата обращения: 15.10.2017).
6. В НАТО планируют гибридное сдерживание России // MIGnews. 2017. 4 марта. URL: <http://mignews.com.ua/politics/17002700.html> (дата обращения: 06.03.2017).
7. "Гибридная война" – одна из наиболее актуальных угроз для национальной безопасности России // ФедералПресс. 2016. 14 сентября. URL: <http://fedpress.ru/personal-view/1673488> (дата обращения: 05.09.2017).
8. Главком НАТО в Европе: "Сдерживание" РФ требует ещё больше войск // Regnum. 2017. 29 марта. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2255807.html> (дата обращения: 30.03.2017).
9. Грузия в Бухарестской резолюции Парламентской ассамблеи НАТО // Голос Америки. 2017. 10 октября. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/georgia-issue-at-bucharest-nato-meet/4064108.html> (дата обращения: 15.10.2017).
10. *Данилов Д.* Североатлантический альянс: бремя Трампа // Международная жизнь. 2017. 27 апреля.
11. Дружить против РФ: военное планирование ЕС разобьётся о спецслужбы США // Экономика Сегодня. 2017. 15 мая. URL: <https://rueconomics.ru/247150-druzhit-protiv-rf-voennoe-planirovanie-es-gazobetsya-o-specsluzhby-ssha> (дата обращения: 20.05.2017).
12. *Ермаков С., Кучинская М.* Европейское оборонное строительство в контексте обеспечения национальной безопасности России // Оборона России. 2017. Декабрь.
13. Интервью постоянного представителя Российской Федерации при НАТО А.В. Грушко телеканалу "Россия-24". 11 июля 2016 // Постоянное представительство Российской Федерации при НАТО. URL: <http://www.missiontonato.ru> (дата обращения: 12.07.2016).

14. *Клименко С.* Теория и практика ведения "гибридных войн" (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5.
15. Конференция ЕС преследует цель поддержать развитие кибербезопасности и электронного государственного управления в странах Восточного партнёрства. 2017. 4 октября. URL: <https://eeas.europa.eu/headquarters/> (дата обращения: 05.10.2017).
16. *Маркедонов С.* Североатлантические перспективы Грузии: идеология и прагматика // Новый Континент: Архив газеты "Континент" (2006–2014). URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=4f6cse3e0406f> (дата обращения: 12.10.2013).
17. *Олевский В.* Общественная дипломатия на службе стратегической пропаганды НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 9.
18. *Петров В., Иванов И.* Основные итоги Варшавского саммита НАТО (2016) // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 8.
19. "Сдерживание XXI века": Посол США при НАТО анонсировал новую стратегию безопасности рубежей Альянса. 2016. 9 февраля. URL: <http://www.unian.net/world/1260082-sderjivanie-xxi-veka-posol-ssha-pri-nato-anonsiroval-novuyu-strategiyu-bezopasnosti-rubejey-alyansa.html> (дата обращения: 15.03.2016).
20. Столтенберг отчитался в интервью американскому телеканалу об успехах в противостоянии России в Восточной Европе // Sputnik, Riga. 2016. 8 марта. URL: <http://ru.sputniknews.lv/world/20160308/879164.html> (дата обращения: 09.04.2016).
21. Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization (Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010) // NATO Public Diplomacy Division. Brussels, 2010.
22. A Strong NATO for a New Strategic Reality. Keynote address by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Foundation Institute for Strategic Studies, Krakow (Annual Conference: NATO as an Active Guardian – Expectations Before the Warsaw NATO Summit) // NATO. Official website. 2016. 4 March. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_128809.htm (дата обращения: 05.06.2016).
23. Back to Basics or Just Backwards? // DIIS Policy Brief. 2015. August.
24. Closing NATO's Baltic Gap: Report / W. Clark, J. Luik, E. Ramms, R. Shirreff // International Centre for Defence and Security. 2016. May. URL: https://www.icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/ICDS_Report-Closing_NATO_s_Baltic_Gap.pdf (дата обращения: 10.10.2017).
25. *Coffey L., Kochis D.* Time for the Baltic Air Policing Mission to Become the Baltic Air Defense Mission // The Heritage Foundation. Issue Brief. 2017. 2 October. No. 4769.
26. *Frühling S., Lanconjarias G.* NATO, A2/AD and the Kaliningrad Challenge // Survival. 2016. April–May. Vol. 58. No. 2. P. 95–116.
27. Foreign ministers endorse new partnership policy. 15 Apr. 2011 // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72368.htm? Official text: Active engagement in cooperative security: a more efficient and flexible partnership policy // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2011_04/20110415_110415-partnership-policy.pdf (дата обращения: 10.09.2013).
28. *Himmrich J.* Can CARD Change European Thinking about Defence Capabilities? // European Leadership Network. Policy Brief. 2017. September.
29. *Howorth J.* Strategic autonomy and EU-NATO Cooperation: squaring the circle // Egmont Institute. Security Policy Brief. 2017. May. No. 85.
30. In Berlin, NATO Allies and Partners show unity and resolve on all fronts 14–15 Apr. 2011 // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72775.htm? (дата обращения: 10.09.2013).
31. Joint statement of the NATO–Ukraine Commission at the level of Heads of State and Government. 9 July 2016, Warsaw, Poland // NATO. Official website. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133173.htm?selectedlocale=en (дата обращения: 08.08.2016).

32. *Kacprzyk A.* Conventional Deterrence on NATO's Eastern Flank after the Warsaw Summit // Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Bulletin. 2016. 3 August. No. 48(898).
33. *Kaim M.* Reforming NATO's Partnerships // SWP (Stiftung Wissenschaft und Politik) Research Papers. 2017. January. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2017RP01_kim.pdf (дата обращения: 05.10.2017).
34. *Kochis D., Coffey L.* Brussels Mini-Summit: Keeping NATO Enlargement on the Table // The Heritage Foundation. 2017. 5 May. URL: <http://www.heritage.org/global-politics/report/brussels-mini-summit-keeping-nato-enlargement-the-table> (дата обращения: 03.07.2017).
35. *Kristensen K.S., Schousboe L.* How to Step up NATO's Fight against Terrorism // War on the Rocks. 2017. 12 September. URL: <https://warontherocks.com/2017/09/how-to-step-up-natos-fight-against-terrorism/> (дата обращения: 10.10.2017).
36. *Kramer F.D., Speranza L.M.* Meeting the Russian Hybrid Challenge. A Comprehensive Strategic Framework // Atlantic Council. 2017. May. URL: http://www.atlantic-council.org/images/publications/Meeting_the_Russian_Hybrid_Challenge_web_0530.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
37. *Kupchan C.* No consensus on NATO membership for Georgia // Civil Georgia. 2017. 16 August. URL: <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=30365> (дата обращения: 02.09.2017).
38. Lisbon Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon. 2010. 20 Nov. // NATO. Official website. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm (дата обращения: 21.10.2010).
39. *Matle A., Scheffler C.A.* From Wales to Warsaw: A New Normal for NATO? // Facts & Findings. Prospects for German Foreign Policy / Konrad Adenauer Stiftung. 2015. October. No. 187.
40. NATO Secretary General meets EU Defence Ministers, attends cyber exercise // NATO Official website. 2017. 7 September. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_146741.htm (дата обращения: 02.10.2017).
41. NATO's Northeastern Flank: Emerging Opportunities for Engagement / C.S. Chivvis, R.S. Cohen, B. Frederick, D.S. Hamilton, F.S. Larrabee, B. Lin // RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1467z1.html (дата обращения: 25.11.2017).
42. *Nordenman M.* Analysis: Baltic Sea Heating Up as Friction Point Between US, NATO and Russia. 2016. 25 April. URL: <http://news.usni.org/2016/04/25/analysis-baltic-sea-heating-up-as-friction-point-between-u-s-nato-and-russia> (дата обращения: 03.06.2016).
43. Office of the State Minister of Georgia on European & Euro-Atlantic Integration. URL: <http://www.eu-nato.gov.ge/en/nato/relation/summits> (дата обращения: 25.10.2017).
44. *Palmer D.A.R.* The Framework Nation's Concept and NATO: Game-Changer for a New Strategic Era or Missed Opportunity? // The Research Division of the NATO Defence College. Research Paper. 2016. July. No. 132.
45. *Pernik P., Jermolavičius T.* Resilience as Part of NATO's Strategy: Deterrence by Denial and Cyber Defence // Forward Resilience: Protecting Society in an Interconnected World. Working Paper Series / Johns Hopkins School of Advanced International Studies; Center for Transatlantic Relations. Washington, DC, 2016.
46. Political Military Framework for Partner Involvement in NATO-led Operations. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-PMF.pdf (дата обращения: 15.09.2013).
47. *Praks H., Stoicescu K.* Strengthening the Strategic Balance in the Baltic Sea Area // International Centre for Defence and Security. 2016. 19 April. URL: http://www.icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/Kalev_Stoicescu__Henrik_Praks_-Strengthening_the_Strategic_Balance_in_the_Baltic_Sea_Area.pdf (дата обращения: 20.04.2016).

48. Secretary General participates in Hybrid Centre of Excellence inauguration with Finnish leaders and EU High Representative // NATO. Official website. 2017. 2 October. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_147497.htm (дата обращения: 02.10.2017).

49. *Shirreff R., Olex-Szczytowski M.* Arming for Deterrence. How Poland and NATO Should Counter a Resurgent Russia // Atlantic Council. 2016. 19 July. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/reports/arming-for-deterrence> (дата обращения: 26.07.2016).

50. Stability and security in the Black Sea region: Presented by the Committee on the Civil Dimension of Security and adopted by the Plenary Assembly on Monday 9 October 2017, Bucharest, Romania // NATO Parliamentary Assembly. Official website (2017-RESOLUTION 437-BLACK SEA-219 CDS 17 E). URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=sites/default/files/2017-10/2017ш20-ш20RESOLUTIONш20437ш20-ш20BLACKш20SEAш20-ш20SCHMIDTш20ш20-ш20ш202019ш20CDSш2017ш20E.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

51. *Stern J.* European Union summit agrees to "historic" military build-up // World Socialist Website. 2017. 24 June. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2017/06/24/euro-j24.html> (дата обращения: 25.06.2017).

52. Study on NATO Enlargement. 1995, 03 September // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24733.htm (дата обращения: 04.05.2013).

53. The Alliance's Strategic Concept. Agreed by the heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. 7-8 Nov. 1991 // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/ua/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 28.08.2006).

54. The Alliance's Strategic Concept. Approved by the heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. 24 Apr. 1999: Press Release NAC-S(99)65. 1999. 24 April // NATO. Official website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 28.08.2006).

55. *Tigner B.* An Evolving Threat. Hybrid warfare. Briefing // Jane's Defence Weekly. 2017. 24 May. Vol 54. Issue 21.